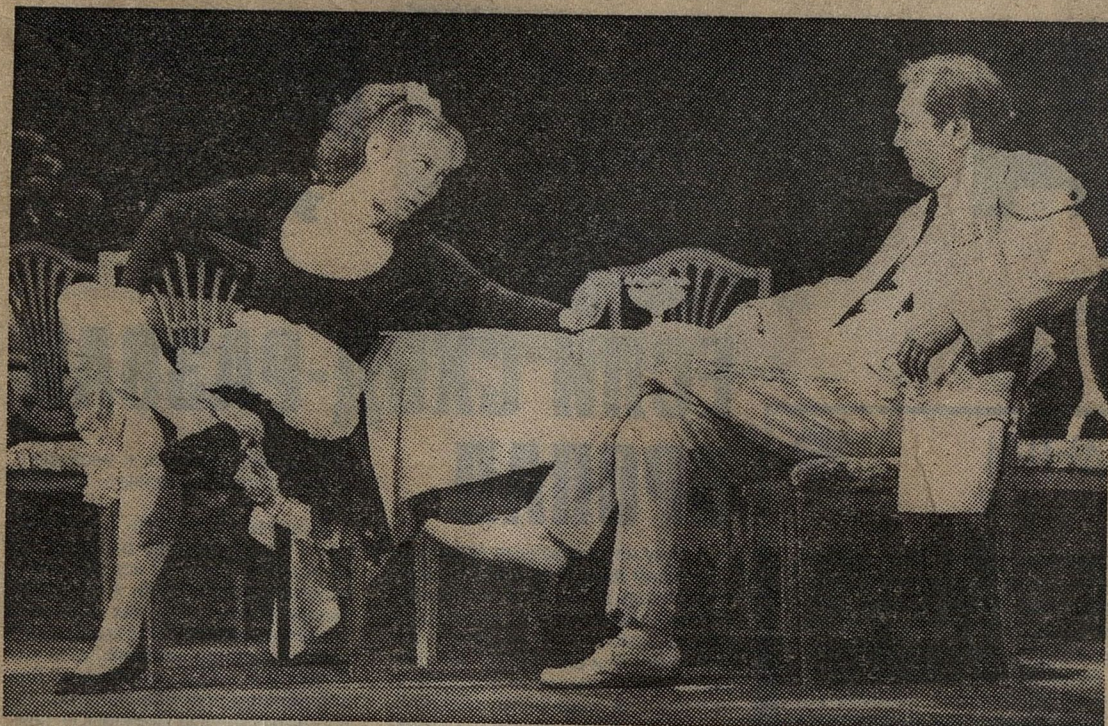

куство сегодня должно помогать человеку выжить. Поэтому я никогда не стал бы играть в пьесах Петрушевской: и мне, и зрителю не нужен на сцене мрак, его и в жизни достаточно. Равно как и пошлости, и цинизма. Я прихожу в ужас, когда смотрю по телевидению идиотские игры, слизанные с американских образцов, и слушаю текст, который произносят наши новые шоумены.

— Вы почти сорок лет играете в театре имени Станиславского. У вас никогда не было желания поменять место работы?

— Я консерватор. В повседневной жизни беспорядочен, но когда дело касается моей работы — тут я пунктуальнее немца. Я никогда не позволил себе опоздать на репетицию или, не дай Бог, выйти на сцену на подпитии. У меня никогда не было желания кочевать из театра в театр, как это делают другие актеры. Мне всегда хотелось, чтобы именно в том театре, где я работаю, было хорошо. Здесь сцена полита моим потом, здесь работали мои товарищи, которых, к сожа-

но выбирают профессию.

— Кто вы по гороскопу?

— Блинец.

— Значит, общительны, веселы.

— Нет-нет, у меня часто бывают депрессии, уныние, но как-то вытаскиваю себя из таких состояний, внушаю себе, что счастье заключается в простых человеческих радостях.

— А чем платите?

— Морщинами, больным сердцем.

— У вас есть неосуществленное желание?

— Когда-то давно я очень хотел работать с Эфросом, но не удалось.

— С вами произошла какая-то необычная история — внешне вы типичный герой-любовник, а играете в основном характерные комедийные роли. Почему так?

— После «Человека-амфибии» я нарочно отказывался от ролей героев-любовников. Я боялся, что меня «запишут» в Тарзаны. И вообще считаю себя характерным актером.

— А как же амплуа?

ЗРЕЛОСТЬ ИХТИАНДРА

В конце пятидесятых по экранам с оглушительным успехом прошел фильм «Человек-амфибия». Все стали распевать песенку «Нам бы, нам бы, нам бы, нам бы всем на дно...» и «хором» влюбились в исполнителя главной роли Владимира Коренева. Он действительно был необыкновенно хорош — обаятелен, строен, голубоглаз. Это был звездный час молодого актера — и он, увы, не повторился. С тех пор прошло много-много лет, и вот я снова беседую с Корневым, голубоглазым, стройным, с легкой проседью в волосах...

— Хороших фильмов всегда было немного. И все-таки кино шестидесятых — это целая эпоха в искусстве и жизни страны. Почему, на ваш взгляд, сегодня такой спад?

— Когда Чаплин после судебного процесса уезжал из США, он сказал, что очень уважает китайцев за то, что они изобрели компас, но воздержались открывать Америку. А я больше уважаю Японию, которая стала лидером технического прогресса, ничего не утратив из своей культуры. Мы же все пустили под топор — и лес, и культуру — хотя в культуре-то мы конкурентоспособны. В самые тяжелые времена мы выстояли благодаря религии и культуре. А что происходит сейчас? Нынешний российский капитализм так же омерзителен, как вчерашний социализм. Мы как-то странно устроены — за что бы ни взялись, все получается шиворот-навыворот. У нас нет иммунитета против социальных авантюристов — в этом я вижу причину общего упадка культуры.

— Всегда считалось хорошим тоном предвещать театру умирание, но оказалось, что он куда более живуч, чем кино...

— На моей памяти интерес к театру то усиливался, то пропадал. В институте меня учили, чем выше уровень производственных отношений, тем выше уровень культуры. А я уже тогда понимал, что это полная чушь. Если в Древней Греции родилось великое искусство, которое и сегодня для нас является эталоном, значит, есть какие-то другие законы. У нас тоже — с производственными отношениями весьма неважно, а театр бессмертен и непобедим — никакое кино, никакое видео не заменят живую связь между актерами и зрительным залом.

— Вас не огорчает то, что полемические намеки, звучащие со сцены, больше никого не интересуют?

— И слава Богу. Я всегда терпеть не мог политического театра. Где, скажите, сегодня драматурги, которые искренне или из корыстных побуждений обслуживали власть? Кто сейчас помнит пьесы Погодина, Шatroва? Куда делся

лению, уже нет. Вот вы видите в гримуборной их портреты — Женя Урбанский, Юра Гребенчиков, Ольга Бган. Время от времени, когда появлялся хороший режиссер и ставил хорошие пьесы, здесь творилось настоящее искусство. А сейчас мне вообще говорить о переместе смешно — из одиннадцати спектаклей, идущих у нас в театре, в девяти я играю главные роли. Пришел я сюда Володей, сейчас я — Владимир Борисович.

— У вас актерская семья. Ваша жена — актриса, актрисой стала дочь, все вы работаете в одном театре. Это, наверное, сложно?

— Да, я пришел в этот театр из-за Аллы. Мы вместе учились, и я хотел вместе с ней работать. У меня есть внук, которым я очень горжусь. Почему-то к актерским династиям у нас всегда относились скептически, хотя актерские дети, насмотревшись на родителей, очень осознан-

но Амплуа в чистом виде быть не может. Недаром знаменитый Корш «сажал» своих молодых актеров на четыре года «на борозды», заставляя их играть старых купцов, а когда они приобретали навыки перевоплощения, тогда уже допускал их до ролей героев, героинь...

— Что бы вы хотели сыграть?

— Не знаю. Я никогда не встречался с Чеховым, всегда боялся этого драматурга, так нежен и тонок он... Время бежит быстро, но, может быть, дай Бог, когда-нибудь доведется выйти на сцену в роли одного из чеховских героев...

Беседу вел
Ирина ПОЛИЧИНЕЦКАЯ.

Сцена из спектакля
«Мужской род, единственное число». В ролях Владимир Корнев (отец) и Ирина Корнева (дочь).

— Вы часто вспоминаете свой первый фильм?

— Почти не вспоминаю. Но я благодарен той работе. Она позволила мне проскочить через нищету, которая бывает у всех молодых актеров. Я тогда без зазрения совести эксплуатировал свою популярность — много ездил от бюро кинопропаганды, возил с собой ролики из фильма, рассказывал о себе, своих партнерах. Сбор были колоссальные, но — платили гроши. Впрочем, мне и они тогда казались большими деньгами. Я, к счастью, никогда не был «материалистом»: на путешествия денег хватает — и ладно. К тому же мне есть что вспомнить и кроме «Человека-амфибии»: я ведь и после этого фильма снимался — правда, не так громко.

— Вы считаете, что вам повезло?

— Конечно. Но ведь и создателям фильма на меня повезло — здесь все совпало. Сыграв главную роль не я, а другой актер, у картины, может быть, и не было бы такого успеха... Впрочем, к чему гадать...

— Что, по-вашему, сегодня происходит в кинематографе?

— Владимир Ильич в свое время сморозил чушь, сказав, что из всех искусств для нас важнейшим является кино. А почему не живопись, литература или театр? Тем не менее ленинская формулировка пришла кинематографистам ко двору: благодаря ей они расчистили себе огромную территорию за нашим общим столом — на кино шла львиная доля всех отпущенных на культуру средств. А ведь кино серьезно занимались лишь несколько человек, остальные же выпускали ширпотреб. Но уж гонору-то было сколько!

Мне часто приходилось видеть, как ведут себя на съемках киношники, как они самодовольны и самоуверенны. А посмотришь фильм — и волосы встают дыбом. Что касается дня нынешнего, то, по моему мнению, российский кинематограф закончился, и надолго. Помочь ему можно, взявшись за проблему так, как французы. У них семьдесят процентов средств, ассигнуемых на кинематограф, идет на развитие отечественного кино и лишь тридцать — на закупку зарубежных фильмов. А у нас сейчас все обстоит с точностью до наоборот — и в результате наши экраны захлестнули закордонные киноподелки.

— Это так, и все же... Сейчас по телевидению демонстрируются фильмы под рубрикой «Наше новое кино», и они выглядят довольно убого. Прокатчики, наверное, не без основания думают, что лучше показать хорошо сделанный американский боевик, чем плохой отечественный.

— Самое смешное и грустное в том, что чем хуже обстоят дела в кино, тем больше всевозможных праздников, фестивалей. Все, как на Западе, все, как у больших. Мне лично это напоминает состязание Элочки-Людоедки с дочерью миллионера Вандербильда.